

Владислав Китик

Как возвратиться на круги свои

Одесским знакомым

Фанты те же. Ветер – свежий.
Зелень детства городского,
Говор улицы Манежной,
Близость гомона морского.

Бельевых прищепок бусы
От досады бесталанной
Отвлекут,
но жить по вкусу
Все равно не по карману.

Под нетрезвые коленца
Шебутного переулка
Светской жизни кинолента
Преумножит эхом гулким

Чувства, что давно вне моды
И придирчивой морали.
Ночь.
Вздыхают пароходы
В желтой ауре печали.

Только кто под небом южным
Оставался безутешным
Даже в полдень равнодушный,
Даже полночью кромешной?

* * *

Здесь был Австрийский пляж.
И синева...
И в якорях матросская братва,
И дембеля, поправшие рейхстаг.
Пила «ерша» по кругу стайка урок.
Здесь, кашлянув для бодрости в кулак,
Пыхтел завод, как маленький окурок,
Но именно сюда под настроенье
Приходишь ты, подобно моряку,
Что, маясь у судьбы на иждивенье,
Остаток дней на пресном берегу
Надумал посвятить стихосложению.
И море, очертив урез воды,
Настолько долго бьет в пустые плиты,
Что стачивает грани монолита.
И, кажется, смывает все следы.

Весеннее

Пусть нет ни слова правды в новостях,
И стрелочников ищут на путях,
Есть передышка от житейских драм,
Когда в свистульки ласточки свистят,
И на асфальте камешки блестят,
И март разносит почту по дворам.

Пейзаж округи лучше, чем багет.
Рельефней шаг, чем многократный след,
Светлее двор, сто раз открытый вновь.
С весной иначе даже кран течет,
Сантехники, часам теряя счет,
Пьют «из горла»: наверно, за любовь.

А чем не повод?! На закуску сыр!
Один глоток – и ближе сердцу мир.

И осеняет умиротвореньем,
И золотится плюшевый от верб
На перспективу шурящийся сквер,
О, Господи, божественною ленью.

* * *

Весна уходит – остается сад.
Он сохранит ее влюбленный шепот.
Уходит время – остается опыт.
Которым горд, хоть сам тому не рад.

«Проходит всё», – изрек мудрец,
но он
Не досказал: когда?

Сплошной зарницей
Накатывает жизнь со всех сторон.
Закончиться грозит, но длится, длится.

Случайный миг, продленный любованьем,
Так просто, словно правду зеркала,
Тебе покажет, как луна кругла,
Не скучен сад, бессильно расставанье.

Пусть до утра горячка – поделом.
Утихнет боль – останется терпенье.
И ветки хруст, и розовый излом,
Как вычерченный угол.
...угол зренья.

* * *

Ты едешь в ночь, я уйду наверх
По спуску.
Медлю... Глохну под мостами.
Взлетев петардой, брызнул фейерверк.
Напомнил вновь, как грезят небесами.

Ты в неизвестность едешь, как во мглу,
Под монотонный гул таксомотора.
По лобовому черному стеклу
Текут цветные блики светофора.

Того, что не имел, нельзя отдать,
Как в числах видеть только чет и нечет.
И снова время тихое, как тать,
Крадет мечты, а говорят, что лечит.

Так под неверье проходных дворов
Под выдумки, чье место на подмостках,
По неземному счастью гаснет зов
Космических орбит и перекрестков.

Сверну,
взгляну поверху домов туда,
Где желтый месяц кажется медовым.
Иная жизнь возможна,
как всегда,
Но мы пока и к этой не готовы.

Французский бульвар

Тот бег пролетки, те особняки,
Ограды, город в солнечной сирени
От установок века далеки,
Как новострой от искры вдохновенья.

Но предстает, шагнув из-за угла,
Давя каноны, принципы и мерки,
Конгломерат бетона и стекла,
Куражась всласть, как черт из табакерки.

Не так ли мстит бездарность мастерам,
Им возразив архитектурной чушью
От градостроительных программ,
Чужих в основе и по духу чуждых?

Теперь над бывшей дачею Рено
Клубится пыль: точней – над гаражами.
Тот город канул в летопись давно.
Здесь правят бал другие горожане.

Как возвратиться на круги своя,
Когда сошел с намоленного круга?
А двух культур не сходятся края,
И чем старей, тем дальше друг от друга.

